

МИВШИЙ в предреволюционные годы в Швейцарии, Луначарский после февральской революции вслед за Лениным уезжает в Россию. В регулярно отправляемых письмах жене Анне Александровне, временно вместе с сыном оставшейся в Швейцарии, Луначарский рассказывает о политической жизни тогдашнего Петрограда и о своей работе. Письма превращаются в историческую хронику, повествующую о самых существенных явлениях бурного года: о деятельности разных политических партий, о конфликтах между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов, о стихийной июльской демонстрации, о Всероссийском демократическом совещании и парламенте и, наконец, об октябрьском перевороте и первых неделях Советской власти. Впоследствии, в 1925 году, Сталин, испытывавший злобную зависть к наиболее образованным деятелям партии, со злорадством и пренебрежением именвал Луначарского одним из «бывших вождей большевиков, отошедших потом на второстепенные роли».

Даже в печати последних лет Луначарского порой объявляли безоговорочным представителем «левацкого утопизма», «архилевого марксизма». Между тем его письма к жене дают возможность получить куда

более верное представление о его политических взглядах и позициях.

Будучи «последовательным социал-демократическим революционером», Луначарский обычно отстаивает разумную умеренность. В сложной обстановке революционного времени он считает наиболее надежными «средние пути», выступает против вооруженных авантюров.

Откликаясь на некоторые события послеоктябрьских дней, Луначарский выступает против политики террора. «Если бы правительство, — заявляет он, — не имело сил пресечь в корне самозванные смертные казни, я не мог бы оставаться в нем... В террористическом правительстве я участвовать не стану».

Он не сочувствует таким мерам Советского правительства, как «длительное запрещение не только буржуазных, но и социалистических газет», его «глубоко печалят» «некоторые закрытия и аресты». Его возмущает масса «грубых ошибок», совершаемых «большевистскими военными бурбонами».

Письма раскрывают нам Луначарского как человека неустанный творческий труд. В предоктябрьские месяцы он избирается товарищем городского головы, руководящим всем культурно-просветительным делом в Петрограде. В эту работу он уходит с головой, жалеет, что «проклятая полити-

ка» часто отвлекает его от любимого дела.

В этот период он организует и проводит первую конференцию пролетарских культурно-просветительных организаций. В то же время не прекращает литературной работы, является редактором одного из отделов газеты «Новая жизнь», выступает с лекциями и докладами перед огромными аудиториями, доходившими до четырех тысяч человек. Его популярность после Октября растет. Он первым из народных комиссаров начинает выступать на собраниях трудящихся с отчетами о работе правительства. Как известно, в 1918 году, когда Советское правительство ввиду военной опасности переехало в Москву, Луначарский просил и получил разрешение Совнаркома остаться хотя бы временно с трудящимися Питера.

С особым вниманием и сочувствием мы присматриваемся сегодня к тем историческим деятелям, которые работали «искренне и изо всех сил», чтобы остановить родную страну в ее «беге к пропасти». Для них «широкая реальная деятельность была в миллион раз привлекательнее колючих политических препирательств». Они пытались всеми силами содействовать «консолидации демократических сил».

Приходится, однако, сожалеть, что опубликованные письма это далеко не все, что сохранилось. Из более чем 90 писем этого цикла пока напечатано только 50. К тому же в них сделаны многочисленные купюры. Хотелось бы сказать и о текстологической стороне публикации. В письме от 6 мая, в котором затрагивается вопрос о переходе власти к Советам рабочих и

солдатских депутатов, где большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, напечатано: «мы... можем лишь бороться за Думу этого большинства». Очевидно, рукописный текст здесь надо прочесть иначе: «за душу» — поскольку Дума в данном случае явно ни при чем. А в письме от 23 мая мы читаем такие слова о Керенском: «Бедняга! Театрал и истерик, не искренний демократ, он, вероятно, сломит себе шею на половинчатой позиции». Думается, что тут вместо «не» надо читать: «но искренний демократ». Ведь в этом же письме несколькими абзацами выше Луначарский сказал о Керенском так: «Говорит короткими, хриплыми фразами, искренне». Следует учитывать, что Луначарский умел объективно оценивать политических противников, не затушевывая их положительные стороны.

Публикация, подготовленная научными сотрудниками ЦПА Н. С. Антоновой и Л. А. Роговой, сопровождается краткими, но квалифицированно составленными комментариями. Можно указать, пожалуй, лишь одно бессодержательное примечание: «Левидов — литератор» (без инициалов, без дат жизни, без указания характера литературной деятельности). А в биографических справках следовало бы не умалчивать о том, что многие из упоминаемых в письмах деятелей были репрессированы при сталинском режиме. Тем не менее очень хотелось бы привлечь к этой публикации внимание широкого читателя, и потому мы предлагаем три письма из этой публикации, относящихся к октябрьским дням 1917 года.

Н. ТРИФОНОВ,

доктор филологических наук.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Письма мои к тебе, конечно, исторические

Подвергая в последнее время переосмыслению и переоценке наше историческое прошлое, мы вновь и вновь обращаемся к событиям 1917 года. Извлеченные из архивов, новые для нас свидетельства современников и участников этих событий помогают лучше понять их и правильнее оценить. К таким материалам, безусловно, принадлежат недавно опубликованные Центральным партийным архивом письма А. В. Луначарского в журнале «Вопросы истории КПСС», № 11—12 (1990 г.), № 2 (1991 г.). До сих пор они были известны только в небольших отрывках и цитатах.

«Дорогая Анюта,

Ты, конечно, из газет знаешь все подробности переворота. Для меня он был неожиданным. Я, конечно, знал, что борьба за власть Советов будет иметь место, но что власть будет взята накануне съезда — этого, я думаю, никто не знал. Может быть, даже Военно-революционный комитет решил перейти в наступление внезапно, из страха, что, занимая чисто оборонительную позицию, — можно погибнуть и погубить все дело.

Переворот был сюрпризом и со стороны легкости, с которой он был произведен. Даже враги говорят: «Лихо». Войска дисциплины не нарушают. Хотя в Зимнем дворце был все же разгром и эксцессы (убийств не было), за которые страшно и тяжело нести ответственность. Что же делать. Зато, быть может, это приближает мир. Что может быть хуже продолжения чудовищной «узаконенной» бойни на фронтах.

Как-никак, а жертв чрезвычайно мало пока.

Пока.

С ужасом думаю, не будет ли их больше.

Если ты получила предыдущие письма, — то знаешь, что я всегда рисовал себе отчетливо все подавляющие трудности, с которыми встретится Советская власть. Но они в 1000 раз превзошли все ожидания.

Да, взять власть оказалось легко, но нести ее! С-ры и меньшевики, даже интернационалисты нас начисто бойкотируют. Дума городская озлоблена против нас. Обыватели, интеллигенция — все, все, все, кроме солдат и рабочих, быть может, некоторых крестьян. Северный фронт присоединился к нам. Румынский — резко против. О двух других еще нет сведений. Из Москвы тоже нет. Из провинций — мало. Пока страшная, пугающая изолированность и

бешеная злоба. А трудности? Страшная задача продовольствия! Крах во всем, со всех сторон! Даже, собрав все силы, Россия, быть может, не вышла бы из этого ужаса, а мы должны спасти ее одними большевистскими силами.

Детка, положение страшно опасно и ответственно.

Повторяю — несколько дней до конца. Выходом была бы демократическая коалиция. Я, Зиновьев, Каменев, Рыков за нее. Ленин, Троцкий — против. За нее «Новая жизнь», меньшевики-интернационалисты, но оборонцы — наши бешеные враги, думаю, что они так же мало способны пойти на компромисс, как наши левые большевики.

Нюра, Нюра, я уже не прошу судьбу — увидишь вас, но хоть письма-то мои дошли бы до вас!

Милые, дорогие, далекие! Начесть денег, в случае несчастья, обратиться к Коле: там ведь все же есть средства, нам принадлежат. Сам постараюсь послать, как только вообще хоть сколько-нибудь урегулируется положение.

Мой портрет, бумаги (рукопись Фауста, которая будет жить!!) у Лещенко.

Нежно целую вас, дорогие мои. Бурно море и небо вокруг. Просвета мало.

Долг перед социализмом будет выполнен. Поживем — увидим.

Я — министр народного просвещения, или как у нас установлено: народный комиссар.

Когда приступлю к делу? Когда выяснится возможность хоть какой-нибудь организационной работы.

Нежно целую Вас, дорогие. Ваш папа.

28 октября (10 ноября) [1917 г.] Петроград.

«Дорогая Нюрочка,

Конечно, чем дальше, тем хуже. Положение тяжелое.

Вчера оно чуть было не стало невыносимым.

Распространился слух, что наши солдаты расстреливают в Петропавловской крепости юнкеров.

Ты понимаешь? Накануне мы отменили смертную казнь. Если бы правительство не имело сил пресечь в корне самозванные смертные казни, — я не мог бы оставаться в нем. Уходить же мне в такой час страшнее, чем погибнуть вместе с ним, но разделять ответственность за террор я не буду.

Ты поймешь. Ты простишь. Я пойду с товарищами по правительству до конца. Но лучше сдача, чем террор. В террористическом правительстве я не стану участвовать. Я отойду и буду ждать, что пошлет судьба.

К счастью, слух о расстреле юнкеров оказался вымыслом.

Лучше самая большая беда, чем малая вина.

Каким количеством ненависти мы окружены!

Как тяжело...

Целую вас, ненаглядные. Будьте счастливы.

Ваш папа.

29 октября (10 ноября) [1917 г.]

«Дорогая Нюрочка,

Не знаю, что происходит в городе. Нависла какая-то тревога.

Войска Керенского очень близко. Может быть, уже в городе. Что будет? — Увидим. Возможно, однако, что они и отражены.

Ясно одно — с властью у нас ничего не выходит. Одни мы ничего не сумеем сделать.

Сойдутся ли социалисты на чисто демократическом министерстве? — Не знаю. Но вне этого, — должно быть, кроме гибели для революции, ничего нет.

К тому же я глубоко не сочувствую некоторым мерам. Например, длительному запрещению не только буржуазной, но и социалистической печати. Правда, поведение ее по отношению к нам погромное. Но страшно и тяжело, даже в исключительное время, быть ответственным за меры насилия.

Эксцессов пока никаких, и нет никаких шор. Но их я боюсь больше всего. Больше смерти! Погибнуть за нашу программу — достойно. Но прослыть виновником безобразий и насилий — ужасно.

Повторяю, пока, наоборот, наши ведут себя почти повсюду образцово. Все обвинения оказываются обыкновенными вздорными слухами. Но некоторые закрытия и аресты как будто напрасны. Во всяком случае, они меня глубоко печалят.

Но какая ненависть против нас, боже, какая бездонная ненависть во всей обывательщине — у всех социалистов-соглашателей!

Надо ехать в Смольный.

Время такое, что каждый раз отрываюсь от письма, не знаю, не последнее ли оно? Могу легко оказаться в тюрьме.

Главное, еще беспокоюсь, как переслать тебе деньги. Сейчас все в расстройстве неимоверном.

Тяжко.

Но все же мы сделали большой шаг вперед. Пусть сорвемся: декреты о мире, земле и контроле над производством — народ не забудет. Иду...

Целую вас, мои святые.

Через 30—35 дней, когда ты получишь это письмо, сегодняшний, завтрашний дни, дни решительные — будут уже достоянием истории.

Прижимаю вас обоих к моему сердцу.

Ваш папа.

● Портрет А. Луначарского.

● А. В. Луначарский.